

А.А. Олесницкий

**Книга притчей Соломоновых
(Мишле) и ее новейшие
критики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.А. Олесницкий**
Книга притчей Соломоновых (Мишле) и ее новейшие критики / А.А. Олесницкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 148 с.

ISBN 978-5-458-62937-9

Книга представляет собой «изследование Ординарного профессора Киевской духовной Академии Акима Олесницкого».

ISBN 978-5-458-62937-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Книга Притчей Соломоновыхъ и ея новѣйшіе критики.

I.

Иосифъ Флавій (*Antiqu. VIII. 2, 5*), называя царя Соломона философовъ, даетъ поводъ считать книгу Притчей, какъ главное произведеніе богопросвѣщенной мудрости Соломона, философією. Хотя названіе философскихъ книгъ можетъ быть приложимо и къ нѣкоторымъ другимъ библейскимъ книгамъ, каковы книга Іова и Екклесіастъ, но такъ какъ послѣднія касаются только отдѣльныхъ вопросовъ, а книга Притчей обнимаетъ всю совокупность вопросовъ, представлявшихся наблюденію древняго міра, то ее мы можемъ по преимуществу назвать системою священной философіи, разумѣя подъ системою не логическое развитіе философскихъ матерій, а только всеобщность и всесторонность міровоззрѣнія.

Внутреннее обозрѣніе книги Притчей или разсмотрѣніе ея содержанія трудно сдѣлать обыкновеннымъ способомъ, въ порядкѣ главъ и стиховъ книги, такъ какъ между собранными здѣсь изреченіями часто нѣтъ логической связи. Гораздо удобнѣе представить ея содержаніе путемъ отвлеченія или упорядоченнаго изложенія того что, по обычаю древняго времени, изложено здѣсь въ видѣ смѣшанныхъ отрывковъ и афоризмовъ, тѣмъ болѣе что эти отрывки и афоризмы вездѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, такъ что въ каждомъ стихѣ нашей книги, какъ онъ ни кажется малообъемлющимъ, дана частица одной и той же вѣчной истины.

Священная философія книги Притчей раздѣляется на 1) теоретическую часть или разсужденія о свойствахъ чело-вѣка и его отношеніи къ Богу и 2) практическія правила жизни и дѣятельности.

1. Для того, чтобы въ мірѣ человѣческомъ возможенъ былъ порядокъ, необходимо откровеніе свыше, потому что безъ пророческаго, сдерживающаго и направляющаго, слова чело-вѣкъ, по своей свободѣ, былъ бы самою необузданною тварью и не было бы никакой опоры благочестивымъ; только божественное откровеніе дѣлаетъ возможнымъ на землѣ благополучіе 29,¹⁸. 30,⁵. Хотя эти мысли объ откro-веніи высказавы уже въ концѣ книги Притчей, но онѣ предполагаются и выше, во всѣхъ частяхъ книги. Уже первыя слова книги Притчей: *начало премудрости—страхъ Іеговы* нужно понимать объ откровеніи, потому что выра-женіе *страхъ Іеговы* есть одинъ изъ синонимовъ откровенія или слова Божіи (Псал. 18,^{8—10}) и даже въ самой книгѣ Притчей LXX выраженіе *страхъ Іеговы* переводится: *слово Господне* (Δόξον τῆ Κορίν, 1,²⁸ ватик. код.). Такимъ образомъ все ученіе книги Притчей есть слово Іеговы или законъ Іеговы. Оно исходитъ отъ лица вѣчной премудрости сотво-рившей міръ (8,^{27—30}) и еще до творенія бывшей у Бога (8,^{22—26}), подающей св. Духа принимающимъ ее (1,²³), вы-слушивающей молитвы просящихъ (1,²³), словомъ личной божественной Премудрости ¹).

Второй пунктъ, который необходимо чело-вѣку имѣть въ виду, послѣ понятія божественнаго происхожденія за-кона, есть всевѣденіе и всемогущество Божіе, въ виду кото-рыхъ невозможно со стороны чело-вѣка безнаказанное укло-неніе отъ божественнаго закона или замѣна его другимъ чело-вѣческимъ закономъ. Самое внутреннее чувство чело-

¹) Такимъ образомъ совершенно несправедливо Мейеръ (Literatur d. Hebräer 516) полагаетъ, что книга Притчей не считаетъ себя божественнымъ откровеніемъ и потому уже должна была явиться только послѣ вавилонскаго плѣна.

вѣка, сокрытое отъ всѣхъ, не можетъ быть сокрыто отъ Бога. Адъ и преисподняя предъ очами Іеговы, тѣмъ болѣе сердца сыновъ человѣческихъ (15,11). Равнымъ образомъ человѣкъ открытъ предъ Богомъ и своими внѣшними чувствами, которыя сотворены Іеговою для цѣли, Имъ же указанной. Ухо способное слышать и глазъ способный видѣть, Іегова сотворилъ и то и другое (20,12). Такимъ образомъ вся жизнь человѣка проходить предъ очами Божиими и потому ни въ какомъ отношеніи не должна уклоняться отъ указаннаго Богомъ закона и порядка. Отъ Іеговы путь человѣка, а смертный можетъ ли самъ начертить путь себѣ? (20,24). Нѣтъ такой мудрости, нѣтъ такого совѣта, нѣтъ такого разума, которые могли бы устоять предъ Іеговою; человѣкъ можетъ готовить коней для битвы, но побѣда будетъ зависѣть отъ Іеговы (21,30—31). Наша пословица: *человѣкъ предполагаетъ и Богъ располагаетъ*, въ книгѣ Притчей повторяется очень часто и въ различныхъ формахъ. Человѣку принадлежать помышленія сердца, но исполненіе ихъ отъ Бога (16,1). Сердце человѣка обдумываетъ свой путь, но направляетъ шествіе человѣка Іегова (16,9). Многие ищутъ благосклонности правителей, но не отъ нихъ, а отъ Іеговы судьба человѣка (29,26), Много замысловъ въ сердцахъ человѣка, но состоится только опредѣленное Іеговою (19,21). Человѣку всѣ пути кажутся чисты, но взвѣшиваетъ души Іегова (16,2).

Такимъ образомъ существуютъ божественные планы и цѣли, законы Іеговы или *путь Іеговы* (10,29). Слѣдованіе этимъ путемъ есть единственная, возможная для человѣка, мудрость или добро; напротивъ уклоненіе отъ него есть единственная въ собственномъ смыслѣ глупость или зло. Соответственно этому все человѣчество раздѣляется на мудрыхъ и глупыхъ, т. е. расположенныхъ къ принятію закона Божія и слѣдованію путемъ Его, людей благочестивыхъ или же стремящихся на мѣсто общей для всѣхъ воли Божіей поставить свою частичную волю, и тѣмъ нарушаю-

щихъ гармонію міра, людей нечестивыхъ и грѣшныхъ. Какъ мудрость такъ и глупость могутъ имѣть различныя стѣпени, и постепенно дѣлаются привычными и необходимыми спутниками человѣка 14,^{с. 18.} 15,^{г. 7. 18.} 17,^{14.} 18,^{15.} 26,^{7. 8. 11.} Какъ забава привычно глупому дѣлать зло, такъ же и мудрость для разумнаго 10,^{22.} Глупымъ непріятно уклоняться отъ зла 13,^{18.} Глупость—радость для пустаго сердца 15,^{21.} 21,^{15.} Самая мысль человѣка проникается тѣмъ или другимъ направлениемъ, т. е. въ самомъ основаніи своемъ дѣлается доброю или злою. Душа человѣка, говоритъ глубокая притча 20,^{27.} есть зажженный Богомъ свѣтильникъ, горящій то ярче то тусклѣе, смотря потому, чѣмъ наполняется глубина чело-вѣческаго сердца. Мысли людей праведныхъ—справедливость, а мысли нечестивыхъ—коварство 12,^{8.} 17,^{4.} 28,^{4.} 29,^{27.} Само собою разумѣется, что слѣдованіе тѣмъ или другимъ путемъ не только не безразлично въ очахъ Божіихъ, но есть личное для Него утѣшеніе или оскорбленіе. Кто идетъ правильнымъ путемъ, тотъ благословляетъ Бога, а кто идетъ кривымъ путемъ, тотъ порочитъ Его^{с.} (14,^{2.}) За то благоволеніе и любовь Божія всегда почіетъ на праведности, гдѣ бы она ни проявлялась, въ дѣлѣ, въ мысли, въ молитвѣ; напротивъ неблаговоленіе Божіе и гнѣвъ Его на всемъ что ни дѣлаетъ нечестивый, даже на самой жертвѣ его 11,^{20.} 12,^{21.} 15,^{8.} 21,^{2.} Заботясь о соблюденіи строгой справедливости и соответствіи между дѣлами человѣка и его судьбою, Богъ устраиваетъ такъ, что человѣка нечестиваго постигаетъ именно то зло, котораго онъ наиболѣе боялся и наиболѣе старался избѣжать, а то чего желаетъ праведникъ всегда исполняется (10,^{22.}) Поэтому въ книгѣ Притчей часто говорится о плодахъ дѣлъ и словъ человѣка праведнаго, которые онъ имѣетъ вкусить, между тѣмъ какъ нечестивые лишены полезныхъ плодовъ своей дѣятельности и получаютъ въ удѣлъ—вѣтеръ 11,^{28.} 20. 21. 12,^{14.} 13,^{21.} 18,^{20.} 21,^{7. 12.} 22,^{8.}

Такимъ образомъ жизнь въ глупости и неправедности,

разсматриваемая со стороны ея необходимыхъ послѣдствій, представляетъ самую печальную картину. Гоняясь постоянно за благами, нечестивый лишенъ дѣйствительныхъ благъ, и то мнимое благо, котораго онъ достигаетъ, является для него зломъ, сътью, въ которую онъ запутывается 12,11. 24,16. 29,6. 28,10. 26,16—18; что казалось сладкимъ для него, то обращается въ горькое и печальное 20,17. Удрученный бременемъ прегрѣшенія, человекъ едва уже въ состояніи узнавать прямой путь,—такъ бываетъ извращено его разумѣніе и ограничена область его возможной дѣятельности 28,8,—и наконецъ, ожесточившись въ виду первыхъ постигающихъ его печальныхъ послѣдствій, человекъ тѣмъ рѣшительнѣе и неизбѣжнѣе подвергается послѣднему удару: нечестивый, будучи обличаемъ, ожесточаетъ выю свою, пока не сокрушится окончательно, такъ что исцѣленіе его дѣлается невозможнымъ 29,1. Жертва и выкупъ, который онъ вздумалъ бы представить, не будутъ имѣть никакой силы 14,8; въ виду самой очевидной опасности, ему не будетъ заступника (онъ будетъ бѣжать въ ровъ, и никто не удержитъ его 28,17), и если существованіе нечестиваго имѣетъ какое-либо назначеніе, то только назначеніе послужить жертвою для дня гибели 16,4.

Съ другой стороны человекъ праведнаго сопровождаютъ всѣ истинныя блага. Этимъ благомъ прежде всего служить самая жизнь въ высшемъ смыслѣ слова. Если человекъ не противорѣчитъ указавшему Богомъ идеалу жизни, то онъ принимаетъ участіе и въ ея блаженствѣ, и притомъ не только въ низшемъ смыслѣ, поколику его дни идутъ покойнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ дни нечестивыхъ 10,17. 11,10 ср. 15,10. 21,16, но и въ высшемъ смыслѣ, поколику онъ принимаетъ дѣйствительное участіе въ безсмертіи и истинной вѣчной жизни. „На пути правды жизнь и уравненная тропа безсмертія“ 12,18. 15,24. 21,21. При самой смерти человекъ праведный не лишенъ надежды 14,22. Отъ этой жизни нераздѣльно ближайшее общеніе съ Іеговою и Его

благоволеніе какъ награда 12,2. 14,26, (благоволеніе, которое, какъ такое, называется здѣсь даже просто רָצוֹן *euchoia*): напр. 14,8: посреди праведныхъ—благоволеніе 14,8. 11,27 (т. е. благоволеніе по преимуществу или благоволеніе божественное). Это благоволеніе открывается въ услышаніи молитвъ и исполненіи желаній праведнаго и удовлетвореніи его нуждъ: „Иегова не допуститъ, чтобы душа праведнаго страдала отъ голода“ 10,2. „Иегова слышитъ молитву праведныхъ“ 15,29. Въмѣстѣ съ этимъ кругозоръ праведника расширяется и его просвѣщенный духъ легко различаетъ вещи и ихъ отношенія: „ищущіе Иегову понимаютъ все“ 28,5. 29,7, между тѣмъ какъ нечестивые не понимаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Человѣкъ на этомъ пути дѣлается снисходительнымъ и мягкимъ, между тѣмъ какъ нечестивый бываетъ жестокъ и грубъ 13,18. 10,32. 16,21—22. За то ему бываетъ и честь среди людей 21,21. 12,8. 18,3, и добрая память 10,7. Если у него будутъ враги, то Иегова предастъ ихъ въ его руки 16,7, и вообще нечестивые или глупые будутъ покорены благочестивому или мудрому 11,29—30: „мудрый удовлетворяетъ души своею мудростію, и дѣлаетъ своимъ рабомъ глупаго“ 17,2. 14,19. Въмѣстѣ съ тѣмъ къ праведному течетъ богатство, не какъ слѣдствіе скупости, а какъ божественное благословеніе 10,22. 13,8. 14,24. 15,8, богатство, увеличивающее свою силу въ рукахъ праведнаго 22,7 и неумещающее отъ его благотворительности 11,24. Наконецъ такое просвѣщенное направленіе и жизнь наполняютъ праведника увѣренностію и надеждою въ дни опасности, такъ что его невинность служить ему постояннымъ руководителемъ и спасителемъ 10,8. 29. 11,3. 5. 13,8. 18,10. 28,1. Вообще праведному никакое зло не можетъ приключиться 12,21. Между тѣмъ какъ на долю нечестиваго выпадаютъ только смятенія и волненія, такъ что онъ обманомъ вачиня обманомъ и оканчиваетъ (11,28), у человѣка праведнаго есть твердое основаніе, нѣчто недоступное никакимъ измѣненіямъ какъ глубокой неискоренимый жизненный корень 10,28. 10. 12,2. 7. 19. 14,11; спасеніе и

честь переходять даже на потомство праведнаго 11,²¹. 14,²⁶. 20,⁷. 22,¹². Такимъ образомъ погубленіе нечестивыхъ и вѣчное спасеніе праведныхъ, какъ стоящія одно противъ друга, какъ бы восполняютъ себя взаимно, какъ будто нечестивый для того и погибаетъ, чтобы дать мѣсто праведному и выкупъ за него 11,⁸ 21,¹⁶.

Такимъ образомъ понятіе о богоустроенномъ въ мірѣ порядкѣ наша философія даетъ въ высшей степени простое и ясное. Мысль, что зло въ мірѣ есть слѣдствіе грѣха, нигдѣ, даже впоследствии, не рѣшалась такъ прямо. Возраженіе: если добро имѣетъ слѣдствіемъ внѣшнее благо, то какъ понимать несчастія постигающія праведныхъ? такъ много занимавшее автора книги Іова, рѣшается здѣсь съ обычною ясностію и краткостію: кого любить Богъ наказываетъ для его исправленія, какъ отецъ наказываетъ своего сына, а потому человекъ не долженъ тяготиться обличеніемъ Божиимъ 3,^{11—12}.

2. Изъ представленнаго понятія о свойствахъ человека и его отношеніи къ Богу, опредѣляется характеръ его дѣятельности. Основаніемъ дѣятельности человека служитъ страхъ Іеговы, т. е. законъ Іеговы въ частнѣйшемъ смыслѣ слова. Сущность страха или закона Божія состоитъ въ томъ, чтобы ненавидѣть зло 8,¹². По такому своему значенію, страхъ Іеговы представляется въ книгѣ Притчей источникомъ всѣхъ благъ физическихъ и нравственныхъ. Страхъ Іеговы—источникъ жизни 14,²⁷. Страхъ Іеговы умножаетъ дни 10,²⁷. Плодъ страха Іеговы—богатство, слава и жизнь 22,⁴. Страхъ Іеговы есть даже школа мудрости, потому что безъ него или безъ соотвѣтствующаго ему воспитанія духа никакое познаніе невозможно 15,³³, хотя можно сказать и наоборотъ, что возвышеніе истиннаго знанія утверждаетъ для человека значеніе страха Божія 2,⁶. Поколикъ человекъ долженъ поборять естественную гордость и самолюбивое превознесеніе, то страхъ Божій есть смиреніе 15,³³. 22,⁴, ко-

торое не даетъ человѣку думать, что онъ когда либо можетъ быть достаточно свободенъ отъ грѣха 20,9, но напротивъ заставляетъ человѣка держать постоянно на виду свои ошибки 28,18 и забывать, что ничего не можетъ быть вреднѣе и губительнѣе господства слѣпой гордости 16,6. 18. 17,18. 18,11. 29,22 и самомнѣнія 11,2. 13,10. 26,11. 27,1. 21. Такъ какъ при этомъ человѣку свойственно нѣкоторое врожденное легкомысліе, которымъ онъ легко увлекается, то съ этой стороны страхъ Іеговы учить его истинному благо-разумію и осмотрительности, уважающей все истинное и непренебрегающей ничѣмъ необходимымъ 13,11. 14,18. 16,10. Наконецъ, такъ какъ этотъ страхъ Божій есть выраженіе той же вѣчной воли Божіей, то онъ приводитъ къ истинному упованію и твердой надеждѣ 16,4. 20. 29,5 въ противоположность надеждѣ на суетныя преходящія вещи, 11,28. 28,25. Вышнимъ отношеніямъ человѣка страхъ Божій даетъ характеръ любви, для которой кромѣ общаго выраженія אהבה, евреи имѣли еще специальный терминъ רחמים. Эта, нечестивому человѣку совершенно чуждая, любовь, 21,10, не позволить себѣ никакой суровости и насмѣшки въ отношеніи къ нищетѣ 21,11. 14,21. и. 17,6. 18,28. 22,9. 28,27; не лишаетъ даже животныхъ своего состраданія 12,10; обращаетъ своею кротостію и терпѣніемъ самое зло къ добру; прощаетъ другимъ прегрѣшенія и дѣла мести предоставляетъ Богу 10,11. 19,11. 20,22. 24,17. 28. 25,21 и д. („если алчетъ врагъ, она накормитъ и напоитъ“); не позволяетъ себѣ распространять дурныя вредныя ближнему слухи 10,18. 25,21; прививаетъ участіе въ трудномъ состояніи ближняго, не вмѣшиваясь однакожь неблагоприятно въ его скорбь и радость 14,10. 25,20; вообще старается сокрушеннаго скорбію утѣшить и укрѣпить надеждою 12,25. 15,15. 15. 20. 17,21. 18,14. 13,11. 25,25, и въ такомъ своемъ самопожертвованіи и трудахъ находить для себя самаго и въ себѣ самомъ лучшія наслажденія и радость 11,17. 19,21.

Разсматривая въ частности этотъ, дѣйствующій въ

любви, страхъ Іеговы, находимъ, что для него человѣческое общество есть цѣлое, которое должно, для блага каждаго частнаго члена, процвѣтать на основаніи дѣятельной истины и правды. Поэтому для него ненавистенъ не только каждый обманъ, въ особенности дѣлаемый съ дурнымъ умысломъ, каждое ложное показаніе и свидѣтельство 13.^{с.} 17.^{г.} 11.^{д.} 16.^{д.} 20.^{д.} 17.^{е.} 18.^{с.} 26.^{ж.}—^{з.} 29.^{с.}, но даже простое заискиваніе 29.^{с.} Мѣра и вѣсъ, также какъ межа или полевая граница, суть нѣчто святое и неизмѣнное 11.^{д.} 16.^{д.} 20.^{д.} 23.^{д.} Само собою понятно, что праведные правители должны воздерживаться отъ самой незначительной несправедливости 17.^{г.} 25.^{д.}, что нечестиваго оставлять безнаказаннымъ не менѣе преступно какъ и наказывать праведнаго 17.^{г.}, и что каждое предпочтеніе богатаго нечестиваго на судѣ производить дурныя послѣдствія 18.^{с.} 24.^{д.} 22.^{д.}, послѣдствія, которыя бывають тѣмъ печальнѣе, что часто неправда совершается по самымъ ничтожнымъ побужденіямъ 28.^{д.} Такъ какъ судъ въ это раннее время для нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаевъ совершался при помощи жребія, то и святость жребія принимается здѣсь подъ защиту нравственнаго кодекса 16.^{д.} 18.^{с.} ср. 1 Сам. 14.^{г.} Такъ какъ судъ этого времени мало руководился письменными документами, но болѣе основывался на устныхъ показаніяхъ, то наши притчи часто учатъ о святости даваемыхъ свидѣтельскихъ показаній и вѣчвой виновности лжедонощика 19.^{с.} 21.^{д.} 12.^{г.} 14.^{с.} 19.^{д.} 25.^{д.} 24.^{д.}

Особенно рельефно въ книгѣ Притчей выставлена чудесная сила царя, заботящагося о строгомъ и точномъ поддержаніи порядка и блага своего государства. Изображеніе силы и дѣятельности царя въ этомъ отношеніи сдѣлано такими яркими красками, что отсюда мы необходимо должны заключить, что наши притчи принадлежать еще первому могущественному и безупречному періоду царства израильскаго, когда уваженіе къ нему было естественною необходимостію; едва ли въ другихъ ветхоз. книгахъ найдется

столь ясная и столь привлекательная печать дѣствительнаго величія этого времени въ указанномъ отношеніи. Такъ какъ царь есть помазанникъ. Иеговы и стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ Нему, такъ что все сердце царя въ рукѣ Божіей 21,¹, то на этомъ основаніи въ нашихъ притчахъ изложено ученіе о царскомъ словѣ на судѣ какъ безошибочномъ оракулѣ, для котораго неправда есть нѣчто мерзкое и нѣчто невозможное его сердцу 16,^{10, 12} (въ устахъ царя—волшебство, говоритъ притча, т. е. онъ безошибочно угадываетъ правду въ тяжбныхъ дѣлахъ); онъ высѣиваетъ и наказываетъ все злое 20,^{8, 26}; его гнѣвъ какъ громъ разить нечестивыхъ, и его благодѣянія дождятъ на праведныхъ и мудрыхъ 19,¹². 20,². 16,¹⁶. 14,²⁶. 22,¹¹; его престолъ основывается на милости и истинѣ 20,²⁸. Но чтобы быть такимъ, царь необходимо долженъ быть мудрымъ; только при мудрыхъ царяхъ страна цвѣтетъ долго 28,². Неразумный же царь доставилъ бы одѣнъ обиды и притѣсненіе народу, 28,¹⁶. Истинный царь не долженъ имѣть никакихъ совмѣстниковъ въ дѣлахъ управленія; многоначаліе есть признакъ отсутствія страха Божія 28,². Но такъ какъ царь самъ по себѣ, даже самый мудрый и благотворительный, не можетъ распространить полное добро въ своемъ государствѣ, то въ нашихъ притчахъ также выразительно говорится о честныхъ и мудрыхъ друзьяхъ царя или его подручныхъ помощникахъ по управленію 22,¹¹. 14,²⁶. 16,¹², также какъ о томъ, что царь долженъ судить не односторонно или въ духѣ одной отдѣльной партіи, но совѣтоваться со всѣми мудрыми и благонамѣренными людьми 11,¹⁴. 15,²², и что, во вторыхъ, людей не благонадежныхъ, готовыхъ дѣйствовать противъ воли Божіей, царь своею неусыпною заботливостію направляетъ къ прямой цѣли 16,¹⁴. 21,¹ и что его удовольствіе и радость есть только благо народа 14,²⁶. Такъ какъ такое правдивое настроеніе народа, отдающее каждому поступающему правильно должное уваженіе и вниманіе, рабъ понялъ бы въ томъ смыслѣ, что и онъ имѣетъ право на высшія почести,